

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation
<http://www.econ.msu.ru>

Preprint series of the economic department

Экономический человек в XXI веке (Homo Economicus in XXI Century)¹

Рогожникова В.Н. Rogozhnikova V.N.²

Article info

Abstract

Key words: экономический человек, неоклассическая экономическая философия, методология, неоллиберализм. homo economicus, neoclassical economic theory, philosophy of economics, methodology of economics, neoliberalism.

JEL: B400, B410, B5

В статье рассматривается тезис о том, что неоклассической модели экономического человека соответствует реальный человеческий тип, действующий сегодня во всех сферах общественной жизни на Западе и в России. В подтверждение гипотезы приводятся социально-антропологический и идеологический аргументы. Первый аргумент касается трансформации образа жизни отдельного человека и целых обществ Западной Европы и США, в результате чего к середине XIX века стало возможно говорить о господстве на Западе «капиталистического духа». Второй аргумент обращается к идеологическим основам такой трансформации и демонстрирует признаки существования экономического человека в российском социально-культурном пространстве.

The article deals with the thesis, that the modern neoclassical model of «homo economicus» corresponds to the real human type, acting in all the spheres of Western and Russian social life today. In support to this hypothesis author comes up with two arguments: social-anthropological and ideological. The first one touches on the transformation in the mode of life of an individual and the whole societies of Western Europe and USA. As the result of this transformation it became possible to speak about the supremacy of the “capitalistic spirit” in the West to the middle of XIX century. The second argument addresses to the ideological basis of such a transformation, and present some evidences of the existence of the «homo economicus» in the Russian social-cultural area.

Введение

В современной неоклассической экономической теории общепринятым является определение экономики как науки о человеческом поведении³. При

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-02-00640

² кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии и методологии экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; veselial@mail.ru

³ Последнее понимается как «соотношение между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [6, с. 18].

этом место антропологической проблематики в экономической науке в настоящее время подлежит уточнению в силу ряда причин: во-первых, это междисциплинарные открытия в области человеческого поведения (например, в рамках поведенческой экономики, биоэкономики, экономической психологии и т.д.); во-вторых, это разработки в некоторых гетеродоксальных экономических теориях (например, в Новой институциональной экономической теории), касающиеся, в частности, используемой в модели человека предпосылки рациональности; наконец, еще одна причина заключается в том, что тема человека, его природы, сущности и поведения сегодня обретает новые аспекты проблематизации.

Модель человека в экономике – одна из актуальных точек пересечения дискуссий и разработок, связанных с осмыслением человека, общества и их взаимодействия. Не в последнюю очередь вследствие возникающих сегодня концепций и теорий модель человека в экономической науке подвергается критике в своих предпосылках – рациональности, информированности, эгоистичности, эффективности экономического агента. В критических выступлениях на конференциях и в журналах можно выделить два направления: указание на нереалистичность предпосылок, используемых неоклассикой для построения модели человека, и обвинения экономики (с точки зрения ее идеологических основ) в формировании определенного типа человеческого индивидуума, реально существующего в современном обществе. Критику второго порядка можно также назвать социальной, поскольку ее представители часто упрекают экономику (и политику) в навязывании населению развитых и развивающихся стран социальных реформ (в области образования, науки, здравоохранения), отвечающих требованиям, в которых угадываются основные предпосылки модели экономического человека.

Таким образом, если в первом случае речь идет о редукции многообразного реального человеческого поведения к теоретическим установкам современной экономической науки, то во втором – о преднамеренной поддержке и теоретическом оправдании типа поведения,

основанного на «экономических ценностях» (выгоде, эгоизме, рациональном расчете, эффективности).

В данной статье предпринята попытка рассмотреть вопрос об отношении господствующей в современной экономике модели человека («экономический человек» или модель REMM) и ее реального наполнения, под которым мы подразумеваем существующий в современном обществе антропологический тип человека, соответствующий характеристикам модели человека в экономике.

Терминологические пояснения

Прежде чем перейти к основной части нашей работы, необходимо сделать замечания относительно используемой терминологии.

Во-первых, под *человеческим поведением* в данной работе понимается сложная система действий, имеющих личный характер и ориентированных на взаимодействие с окружающей средой с целью удовлетворения потребностей индивида. Трудность адаптации данного определения к понятию *экономического поведения* индивида заключается в том, что, несмотря на активно используемый в неоклассической экономической теории принцип методологического индивидуализма, личный элемент поведения индивида в экономической теории не учитывается – неоклассику интересуют стандартные поведенческие акты. Поэтому понятие «личный» в данном случае означает просто отсылку к активности субъекта, без которой поведение в принципе невозможно.

Понятие «*экономический*» мы трактуем как относящийся к области хозяйствования, то есть производства, распределения, обмена и потребления.

Под *человеческим (антропологическим) типом* мы понимаем исторически сложившееся единство мировоззренческих установок, образцов поведения, качеств и черт характера, господствующих на данном этапе времени в психологии индивидов и обществ.

Наша гипотеза заключается в том, что основные характеристики модели человека, применяемой в современной экономике (мейнстриме), выходят за

пределы только теории и относятся к определенному антропологическому типу, господствующему в современной социальной жизни.

Для доказательства данного утверждения мы приведем три аргумента – антропологический, социальный и идеологический. Сложность различения первых двух аргументов заключается в том, что человеческое (индивидуальное) и социальное тесно взаимосвязаны – эти понятия, как и стоящие за ними аспекты реальности, нельзя ни отождествлять, ни разрывать⁴. Антропологические изменения возникают в тесной связке с переменами в обществе; сложно провести границу между человеческим и социальным, когда речь идет о мировоззренческих изменениях, о генезисе нового понимания природы человека и природы общества.

Обычно мы связываем данные понятия при помощи категории «личность», выражающей социальное бытие человека; но в случае с экономической наукой данный способ связи человеческого (индивидуального) и социального не работает, поскольку экономика не оперирует понятием личности. Категория, которую мы встречаем в рассуждениях о модели экономического человека, - это категория индивида.

Напомним, что неоклассическая экономика в разработках модели человека опирается на принцип методологического индивидуализма как способ решения вопроса об отношении индивидуального и социального: в соответствии с этим принципом, социальные процессы объясняются через индивидуальное поведение, и любое социальное образование (семья, университет, больница, государство) является таким индивидом, или *экономическим агентом*. В нашей работе мы не будем специально обсуждать вопрос о том, действительно ли методологический индивидуализм решает обозначенную выше проблему; достаточно заметить, что, с нашей точки зрения, понятие *социального* в современной неоклассической экономической

⁴ Безусловно, идеологическое также связано и с социальным, и с антропологическим – в том смысле, что идеология выражает убеждения социальных групп и классов, которыми (убеждениями) руководствуются в своих действиях индивиды. Но в данном случае нас интересует идеология как результат социально-антропологических трансформаций, а также как самостоятельный фактор дальнейших изменений в понимании экономического человека.

теории не раскрывается в полной мере, поскольку игнорируется его специфика в отличие от *индивидуального*. Однако понятие экономического агента уже позволяет иметь дело с социальным аспектом человеческого поведения, т.к. подразумевает существование *экономических отношений*, то есть социального взаимодействия определенного рода. Так, мы можем говорить о различных типах экономических агентов – например, продавце и покупателе – что напоминает нам соответствующие социальные типы или роли.

Для обеспечения простоты и ясности теории в современной экономике часто используется репрезентативная модель экономического агента, в основе которой лежит предположение, что все типы экономических агентов идентичны. На наш взгляд, такой подход к формированию модели человека в экономике позволяет заключить о некоем «сверхагенте», или типе, который, очевидно, и получил название экономического человека.

Для установления взаимосвязи между моделью экономического человека и реальными людьми, действующими в хозяйственной (и не только) жизни, мы используем понятие *антропологического типа*. Значение этого понятия в целом соответствует термину «хозяйственный дух» В. Зомбарта [см. 3, с. 28]. Каким образом определяется господство того или иного антропологического типа в обществе? Точных средств для этого нет, и мы можем использовать в целях установления социального «диагноза» все богатство явлений духовно-материальной культуры (искусство, философию, идеологию, политику, религию, экономику). В некотором смысле подобная диагностика представляет собой волшебный круг, в котором начало и конец не поддаются четкому обозначению. Таким образом, утверждая, например, что в современном обществе (западном и российском) реально существует человеческий тип, который можно обозначить как «экономический человек», для доказательства этого утверждения мы обращаемся, в том числе, к самой экономике – в ее практическом (экономическая политика) и теоретическом (экономическая наука, экономическая теория) аспектах.

Важно отметить, что дискуссия по обозначенным нами вопросам в настоящее время развивается, и в ней принимали и принимают участие такие ученые, как В. Зомбарт, М. Вебер, О. Конт, Дж.С. Милль, А. Маршалл, К. Менгер, Г. фон Шмоллер, П. Бурдьё, М. Фуко, К. Лаваль, В.С. Автономов, Г.Б. Юдин, Ю.Я. Ольсевич и др. Основания этой дискуссии отсылают нас к вечной философской проблеме соотношения части и целого, теоретического и эмпирического, абстрактного и конкретного, логического и исторического.

Является ли модель человека в экономической науке только методологическим инструментом – или же она отражает реально существующие черты определенного человеческого типа? А может быть, современная экономика способствует формированию такого типа?

Так, автор известной работы о моделях человека в экономике, В.С. Автономов полагает, что данная модель является определенной «поведенческой гипотезой», представляющей собой инструмент экономического анализа, а не объект изучения [см. 1, с. 8]. Тем не менее, как пишет и сам исследователь, такая гипотеза обобщает и типизирует поведение человека в целях научного описания и предсказания этого поведения. Опирается ли сама эта поведенческая гипотеза на некоторые представления о реальном человеческом поведении, будь то поведение индивида или сообщества? Может ли инструмент анализа быть объектом изучения без ущерба – или даже с выгодой – для своего непосредственного применения? Имеет ли отношение инструмент анализа к определению того, по отношению к чему он применяется? С точки зрения современной философии науки, ответ на все три вопроса – положительный.

Есть и другие вопросы: как влияют друг на друга объект познания и тот инструмент, который применяется для познания данного объекта? как именно поведенческая гипотеза экономического мейнстрима связана со своим объектом – человеческим поведением? что возникает раньше – наше поведение или тот способ, каким мы его толкуем, анализируем, делаем относительно него прогнозы? Мы полагаем, что способ толкования нередко встроен в наше поведение; ведя себя так или иначе, мы часто играем социальную роль или

осуществляем некую психологическую установку (страх, надежду, радость и т.п.) – то есть вольно или невольно (сознательно/бессознательно) предполагаем вызвать ту или иную трактовку нашего поведения у тех, кто его наблюдает (намеренно или случайно). Тот факт, что и трактовка, и реакция на наше поведение могут идти вразрез с нашими ожиданиями, свидетельствует лишь о том, что в мире существует бесконечное множество возможных трактовок поведения и реакций на него, поскольку мир населен существами, чья психика, физиология и мировоззрение создают неповторимые комбинации поведения и понимания.

Учесть все возможные факторы, влияющие на человеческое поведение, очень сложно, но последнее определенно нуждается в понимании и предсказании, поэтому в науке установилась практика типизации и упрощения человеческого поведения. Интересно отметить, что если в экономической теории поведение человека основывается на трех китах: рациональности, выборе и эффективности, что предполагает сознательное и свободное действие, то в маркетинге как экономической дисциплине реклама создается с учетом, наоборот, нерациональной (как в философском, так и в экономическом смысле этого слова) компоненты нашего поведения – влияния эмоций, подражания, следования традиции или привычке.

Следует подчеркнуть этот парадоксальный характер современной экономики – и как науки, и как хозяйственной деятельности. Тем острее воспринимается исследователями – экономистами, социологами, психологами, философами науки – вопрос о соответствии экономических моделей и реальности. Простого ответа на данный вопрос сегодня нет, и вряд ли он когда-либо появится; но поиск такого ответа – залог развития науки вообще и экономической науки в частности. Ниже мы приводим несколько аргументов, иллюстрирующих наше отношение к поставленным вопросам – в частности, к проблеме взаимосвязи модели экономического человека и реально действующих в экономике индивидов.

Социально-антропологический аргумент

Историю возникновения экономического человека как реального антропологического типа изучали О. Конт, А. де Токвиль, М. Вебер, В. Зомбарт, К. Лаваль. Все перечисленные нами авторы (кроме, пожалуй, М. Вебера) сходятся в том, что эта история начинается в позднем Средневековье с формирования светского мышления, компонентами которого явились, в частности, критическое отношение к традиции и стремление к новому.

Алексис де Токвиль, анализируя природу и особенности демократии в США в середине XIX века, пишет о новом типе человека, сформировавшемся как итог изменений, произошедших со времен Средневековья во всех слоях общества – среди бедняков, духовенства, торговцев. Этот тип человека объединяет «тех, кто, пытаясь во имя прогресса сделать людей материалистами, хочет найти пользу, не обременяя себя заботами о справедливости, науку, свободную от религиозных убеждений, и благосостояние, обособленное от добродетели» [8, с. 33]. Свободу, столь ценимую де Токвилем, такие люди используют «как средство обретения максимальных выгод» [8, с. 33]. Этот тип человека реализует себя, в частности, в демократическом строе США, где господствует тирания большинства. Следуя логике автора «Демократии в Америке» (1835-1840), нового человека нельзя назвать отвлеченной от действительности моделью – это собирательный образ реальных людей, действующих во всех сферах жизни (а не только в экономике).

Наблюдения де Токвиля подтверждаются написанной чуть позже (1844) работой **Огюста Конта** «Дух позитивной философии». Конт и сам критикует индивидуалистическое общество XIX века, но в «позитивно мыслящем» человеке, чей портрет рисует французский мыслитель, мы узнаем черты «нового человека». Так, описывая современный ему социальный кризис, рассогласованность индивидуальных и общественных целей, упадок лицемерной теологической морали, автор трактата предлагает обратиться к разуму и социальному инстинкту вместо веры и эгоизма. Если человечество оставит в стороне бесплодное фантазирование о том, что находится за

пределами человеческого разума, и вместо этого займется реальным миром и теми знаниями, которые действительно приносят пользу, способствуя преобразению не только состояния, но и природы индивида и общества, тогда у человечества появится шанс действительно приблизиться к своей цели – всеобщему счастью. Конт показывает рационально-социальную природу счастья, залогом достижения которого является сплоченное общество как целое, имеющее безусловный приоритет перед своими частями. Эти части – отдельные люди – важны обществу как носители разума и «инстинкта сочувствия» [4], чьи способности, направляемые в нужное русло, помогут достичь больших успехов в установлении порядка, который, в свою очередь, будет постепенно двигать общество к счастью.

Конт рассуждает о естественной, рациональной морали, в основе которой будут лежать правила поведения, наиболее соответствующие всеобщему порядку. Такие правила «необходимо окажутся наиболее благоприятными для личного счастья» [4]. Личное счастье немислимо вне или вопреки счастью общественному, как индивид немислим вне общества. Общество поглощает человека: для положительного мышления «человек в собственном смысле не существует, существовать может только общество» [4].

Парадоксальность идей О. Конта заключается в том, что разделяемый французским ученым социологизаторский подход привел человечество, с одной стороны, к таким явлениям, как тоталитаризм, а с другой – оказался дорогой к новому индивидуализму, к одиночеству в толпе, к феномену индивидуальной «свободы» выбора, полностью регулируемого обществом [см. 5, с. 357].

В Германии в начале XX века были написаны две классические работы по междисциплинарному анализу генезиса экономического человека – это «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) **Макса Вебера** и книга **Вернера Зомбарта** «Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека» (1913). В задачу данной статьи не входит подробное рассмотрение и сопоставление этих работ; нам важен лишь тот портрет

современного человека, который дают и М. Вебер, и В. Зомбарт. Нельзя сказать, что этот портрет идентичен у двух разных мыслителей, однако определенные существенные черты «экономического человека» совпадают и у Вебера, и у Зомбарта. Эти черты – рационализм и расчетливость, ориентация в деятельности на полезность и эффективность, изобретательность, организационный (управленческий) талант, материализм (предпочтение материальных благ), склонность к коммерции, эгоизм [см. 2, с. 53-55; 3, с. 47, гл.5].

Те же черты экономического человека мы найдем и в современных исследованиях – например, у французского мыслителя **Кристиана Лавалья**, в его работе «Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма» (2007). По К. Лавалю, одним из ключевых моментов генезиса экономического (в его трактовке – неолиберального) мышления выступает представление о человеческих страстях и интересах, в новую эпоху ставших двигателями общественного развития. Взаимное соответствие интересов разных людей, пишет К. Лаваль, запускает механизм общества как «производственной машины» [5, с. 353].

Вместо нравственности и морали, как регуляторов индивидуального и социального поведения, повсеместно устанавливается господство принципа пользы (полезности). Светская мораль строится не на трансценденции к Богу как высшему началу и гаранту справедливости, а на расчете удовольствия и страдания, прибыли и издержек. Гарантом человеческого счастья становится государство. Появляется понятие прав и свобод личности (гражданина). Естественно, эти перемены происходили не в одночасье; мы согласны с К. Лавалем, полагающим, что процесс формирования экономического человека и сегодня не завершен [см. 5, с. 358]. Однако основные предпосылки, позволяющие заключить о господствующей антропологической тенденции (экономический язык, на котором говорят сегодня не только экономисты; коммерциализация культуры; деньги и богатство как нравственная ценность; любовь к риску и т.д.), сформировались к настоящему моменту вполне.

Помимо проблемы контроля страстей и согласования интересов новое мышление унаследовало и христианский миф о рае – совершенном состоянии человека и общества. Экономический миф о рае – это государство всеобщего благосостояния (welfarestate). Данная концепция государства возникает в конце XIX века в политике канцлера Германии Отто фон Бисмарка и в различных вариациях развивается в СССР, послевоенной Англии, США, Италии, Швеции, Дании, Норвегии. На новом витке развития welfare state – идеология мультикультурализма (Германия, США).

Государство всеобщего благосостояния характеризуется ключевой ролью государства в «обеспечении защиты, а также развитии экономического и социального благосостояния граждан» [11]; основой государства всеобщего благосостояния выступают принципы «равенства возможностей, справедливого распределения богатства и общественной ответственности за тех, кто сам неспособен обеспечить себе хорошую жизнь» [11], соблюдение прав человека. Общие идеологические установки данной концепции можно охарактеризовать так: а) человек может и способен преобразовывать природу, общество и себя для того, чтобы достичь всеобщего счастья; б) счастье – это равновесие, равноценность, порядок, постепенность, согласованность, полезность, справедливость, эффективность, рациональность, нормальность, самоконтроль.

Переориентация с трансцендентного, метафизического на реальное, рациональное, положительное, с нашей точки зрения, есть еще один виток последовательного развития таких общефилософских противоречий, как эмпиризм и рационализм, вера и знание, идеальное и предметное, индивидуальное и общественное и т.д. В этом смысле переход к новому обществу и новому мышлению органичен, естествен; данный переход совершается в рамках развития капиталистических отношений.

Как отмечал К. Лаваль, «коммерческая и финансовая природа... свойственных капитализму отношений достаточно быстро стала общей формой человеческих взаимоотношений» [5, с. 352]. Поэтому экономический человек является универсальным социальным типом человека нашего времени –

производителем-потребителем, уникальным ресурсом, способным воспроизводить самого себя. Он возникает в процессе развития нового общества, он обусловлен этим развитием и, наоборот, способствует последнему; в теоретическую же экономику он пришел из реальной общественной жизни.

Постепенно новая мораль обретает форму социальной и экономической эффективности индивидов и институтов. Условием выполнения требований этой морали становится самоконтроль; контролировать себя должны и индивиды, и сообщества (группа, государство). Самоконтроль также тесно связан с понятием «знать себе цену», что выражается, в частности, в рейтинговой системе или в рейтинге эффективности, применяемом сегодня не только в экономической, но и в социальной сфере (образование, медицина, наука). Переход к системе самоконтроля означает кризис государства всеобщего благосостояния, поскольку на смену идее государственного регулирования экономической и социальной жизни приходит принцип невмешательства государства в социально-экономические процессы⁵. Кризис welfare state начался в 1970-х и продолжается по настоящее время в спорах сторонников регулирования экономики и идеи мультикультурализма – и тех, кто придерживается идей абсолютной экономической свободы, индивидуализма, эгоизма (среди представителей последних можно назвать, например, известного американского философа-объективиста XX века Айн Рэнд).

В нашу задачу в силу ограничения в объеме работы не входит глубокий анализ социальных трансформаций эпохи конца XIX – начала XX века (однако очевидно, что без такого анализа невозможно обойтись, изучая историю экономического человека). Определенный итог вышесказанного можно представить словами Ханны Арент, констатировавшей победу универсального «социального» над привычной нам антиномией «частного» и «общественного». Философ полагает, что сегодня общественное рассматривается как функция частного, а частное стало единственным, что объединяет людей [9, с. 70] – таким образом, эти противоположности как бы нейтрализовали друг друга,

⁵ На наш взгляд, это лишь более тонкое понятие контроля, который государство передоверяет индивидам и группам, чтобы сделать контроль более эффективным.

поглощенные «социальным». На наш взгляд, эти перемены вполне прослеживаются в идеологическом фоне эпохи.

Идеологический аргумент

Появление этого аргумента в обосновании нашей позиции обусловлено прежде всего тем, что, как известно, научные факты (и тем более социальные факты) не существуют в вакууме, но наполняются смыслом и значением в процессе интерпретации. На то, как будет интерпретирован тот или иной факт, влияет множество факторов – как и сугубо научных (например, уровень знаний в данной области в данную эпоху), так и социальных (существующий социальный заказ, этические установки науки, мировоззрение эпохи, система правления в государстве и проч.). Идеология с этой точки зрения обозначает влияние, связанное с политическим мировоззрением определенной (в масштабе государства чаще – господствующей) социальной группы.

Новая идеология (в противовес идеологии welfare state) современной эпохи формируется в рамках *неолиберального мировоззрения*⁶. Истоки неолиберализма – идеи Ф. Хайека и М. Фридмана [см. 7], полагавших, что необходимое обновление капитализма придет изнутри последнего. Основными чертами неолиберализма являются: предсказуемость поведения систем от человека до государства (обеспечивается пропагандой и СМИ); стабильность (обеспечивается в том числе неофициальной цензурой и контролем) в сочетании с нестабильностью там, где это необходимо для обеспечения интересов определенных государств, структур или лиц; полная свобода торговли (с сохранением, если нужно, мер протекционизма в угоду интересов отдельных стран/корпораций/индивидов). Другие характеристики неолиберальной идеологии – уничтожение всех барьеров на пути торговых отношений и укрепления власти собственников, а также сращение политики и экономики, поглощение экономикой – политики (торговые войны, войны за

⁶ Наряду с неолиберализмом существуют и другие идеологии, но в современном как западном, так и российском обществе господствует именно неолиберальная идеология.

ресурсы, войны санкций); некоторые исследователи включают в этот симбиоз и культуру [см. 10, с. 315].

Неолиберальная идеология выражается в определенном (экономическом) языке, в лексике которого присутствуют такие слова, как польза, интерес, эффективность, оптимизация, знания, инновации, свобода, выбор, услуги и т.д. К власти приходит новая рациональность, основанная на расчете и мифологизации нашего мышления.

Утверждается предприятие как универсальный тип социального института (государство, вуз, школа, больница, человек). Современные корпорации стремятся установить власть над нашим временем, нашими эмоциями и интересами, способностями и организмом, нормами, желаниями, ценностями. Все это – лишь особенности специфического ресурса, каким является человек (в этом смысле теория человеческого капитала – еще один кирпичик в фундаменте новой идеологии). Экономический язык претендует на нейтральность по отношению к личности, маскируя мотивы владельцев предприятий риторикой «эффективности» и «оптимизации». Экономический империализм, трактующий любое поведение как экономическое, то есть основанное на рациональном выборе между альтернативными средствами достижения цели, одновременно и расширяет (до границ культуры), и уничтожает специфическую область экономического.

СМИ находятся в связке с новым социальным порядком, поскольку транслируют поощряемую культуру, образ мысли и жизни. Только человек, встроенный в социальные отношения, обладающий рациональной нормативностью, может быть идеальным гражданином. Однако такой человек все больше напоминает утверждаемую в неоклассической экономической теории модель «*homo economicus*».

Неудивительно поэтому, что именно в неолиберальном мышлении видят сегодня и наиболее яркое выражение экономического человека [5, с. 358], и идеологическую основу неоклассической экономической теории [12, с. 360]. Человеческое поведение, осмысляемое как единое и неизменное, легко

поддается анализу, интерпретации и предсказанию, а это, в свою очередь, делает науки о человеческом поведении (в том числе экономику) более применимыми на практике. Принцип методологического индивидуализма распространяет этот подход на поведение фирм и государств; получается, что рациональный расчет и максимизация полезности универсальны для всех типов экономического агента, поведение которых моделируется по образцу «финансовых форм товарообмена» [5, с. 366]. Отсюда – соответствие между объектом и инструментом [5, с. 366], реальным человеком и моделью человека в экономике.

Получается своеобразный замкнутый круг, так как неолиберальная политика, в свою очередь, опирается на неоклассическую теорию [12, с. 360]. В экономической и социальной политике появляется предположение, что рациональность, способность к расчету, экономическая оптимальность и эффективность в использовании ресурсов естественным образом обеспечат процветание фирм, приносящих прибыль. Таков экономический аргумент в пользу неолиберальных реформ.

Приведенные аргументы, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в современном обществе господствует определенный антропологический тип, которому можно дать имя экономического человека.

Заключение

В современном обществе основу социальных связей составляет рыночное взаимодействие, ориентированное на максимально эффективное достижение собственных интересов действующего агента. Такова официальная идеологическая стратегия неолиберализма и экономического мейнстрима. Однако на практике чаще всего индивидуальные представления об эффективности деятельности индивида (врача, ученого, преподавателя) или организации (поликлиники, вуза, школы) этой идеологии не соответствуют. Фактически происходит подмена реальной эффективности – абстрактной

социальной рациональностью, что ярко проявляется на примере современных российских социально-экономических реформ в области образования и науки.

Контроль за собственной эффективностью (или, лучше сказать, продуктивностью, профессиональным ростом) ученого сегодня навязывается спускаемыми сверху надуманными рейтингами, управлению наукой придается большее значение, чем развитию науки. В этом смысле homo economicus есть единство *взаимозависимых человека управляемого* и *человека управляющего*, и проблема модели экономического человека в современной экономике не в последнюю очередь является проблемой менеджмента – с точки зрения оснований последнего. Поскольку каждый из нас и управляет, и управляем, можно сказать, что экономический человек – это универсальный антропологический тип современного человека/корпорации/социума/государства.

Господство экономического человека будет продолжаться, пока не изменится само общество. Вопрос заключается в том, насколько необходимы, с точки зрения и общества, и экономической науки, такие изменения. Многие ученые, преподаватели, экономисты сегодня не видят реальной альтернативы неоклассической экономической теории. Нужно отметить, что экономическая наука сама по себе, в отрыве от других социальных и гуманитарных наук не может способствовать возникновению новых парадигмальных подходов к трактовке экономической действительности.

Одним из продуктивных решений на этом пути нам видится тесное взаимодействие экономической науки с философией (в частности – философией экономики), которая может не только дать трезвый аналитический разбор философско-антропологических и методологических оснований неоклассической теории, но и, не ограничиваясь критикой, предложить новые методологические принципы для альтернативной неоклассической теории. Такими принципами являются междисциплинарность, гуманистическая ориентация в разработке экономических теорий и моделей, отказ от редукции как средства построения модели человека в экономике, поиск новых точек соприкосновения

с социально-гуманитарными и естественными науками (преодолевающих редукционизм неоклассики и позитивизма), историчность, единство социального и индивидуального.

Литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 320с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: «Прогресс», 1990.
3. Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Собр. соч. в 3 т. Т.1. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 637с. – С.27-478.
4. Конт О. Дух позитивной философии. 1910. URL: <http://comte.newgod.su/lib/duh-pozitivnoj-filosofii#ТОС--4>
5. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 432с.
6. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып.1. С.10-23.
7. Симоянов А. Либерализм и неолиберализм // <http://www.libfront.org/2013/liberalizm-i-neoliberalizm>
8. Токвиль де, А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554с.
9. Arendt H. The Human Condition. 2-nd edition. – USA; UK: The University of Chicago Press, 1998. – 349pp.
10. Bockman J. The political projects of neoliberalism // Social Anthropology/Anthropologie Sociale (2012) 20. Pp. 310–317.
11. ENCYCLOPÆDIA BRITANNICA. URL: <http://global.britannica.com/>

12. Harvey J.T. Neoliberalism, Neoclassicism and Economic Welfare // Journal of Economic Issues. Vol. XLIV No. 2. June 2010. Pp.359-367.